

Не прятаться от истины

Иван ЧАРОТА, доктор филологических наук, профессор

В 2017 году в Беларуси отметили 500-летие белорусского и восточнославянского книгопечатания. Отметили достойно, с соответствующим этому юбилею размахом, который обеспечивался разноплановой поддержкой властей на всех уровнях и сопровождался широким общественным резонансом. Но это вовсе не значит, что нам остается и дальше лишь триумфовать: ведь при оценке результатов, думается, больше пользы от здорового скепсиса и самокритичного взгляда на сделанное. Особенно такой подход актуален, когда речь идет о состоянии исследований жизни и деятельности главного виновника торжеств в честь юбилея книгопечатания – Франциска (Георгия) Скорины. А здесь у нас, как ни старайся оценивать помягче, дела далеко не идеальные, да и перспективы тоже в тумане.

Чтобы отклонить обвинения в излишней придирчивости, сразу уточню: хотя и не имею чести принадлежать непосредственно к корпорации профессиональных скориноведов, область их исследований воспринимаю как одну из самых приоритетных и, соответственно, показательных для отечественной гуманитарной науки. А потому ответственность за все пробелы и огрехи в этой научной сфере вовсе не склонен списывать только на узкий круг задействованных специалистов. Следует признать, что определенная доля вины лежит на всех ученых-гуманитариях, и на мне в том числе. Как раз это вынуждает всех нас теперь максимально мобилизовать име-

ющиеся силы и ресурсы ради устранения очевидных изъянов, а прежде всего – проявить традиционные для белорусов рассудительность и осмотрительность, а также и самокритичность.

Как ни досадно, но в массивном корпусе нашего скориноведения закрепилось недопустимо большое количество приукрашенных вольной беллетризацией стереотипов, которые по своей природе противоречат элементарным научным принципам, однако почему-то стали для нас опорными и незаменимыми. Уже разве что одни представители самого старшего поколения скориноведов помнят, когда эта сфера обогащалась существенными научными результатами, когда вводились в оборот неизвестные ранее документальные материалы, когда на основании серьезных обсуждений закреплялись новые выверенные сведения, когда вообще проходили плодотворные и действительно научные дискуссии... А средства массовой информации тем временем безоглядно распространяют фантастическо-приключенческие байки, якобы опирающиеся на «открытия» ученых, на самом же деле – на псевдодискуссионные версии популяризаторов-любителей. И это не случайно, потому что даже при освещении фактологической основы жизнеописания Скорины у нас, по давно установившейся привычке, чрезмерно частотными стали те модальные

ОБ АВТОРЕ

ЧАРОТА Иван Алексеевич.

Родился в 1952 году в д. Лыщики Кобринского района Брестской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета (1974). В 1974–1977 годах работал учителем в Полецкишской средней школе Вороновского района Гродненской области. С 1977 года работает на филологическом факультете БГУ: преподаватель, старший преподаватель, доцент. В 1994–2018 годах – заведующий кафедрой славистики (славянских литератур). С 2018 года – профессор кафедры теоретического и славянского литературоведения.

Доктор филологических наук (1998), профессор (1999). Академик Сербской Академии наук и искусств (2009), Международной Славянской Академии наук, образования, искусства и культуры (2012).

Автор нескольких десятков монографий и научно-популярных книг, более 600 литературно-критических публикаций, а также около 1000 переводов художественных произведений на белорусский, русский и сербский языки.

Сфера научных интересов: литература и культура славянских народов.

слова и выражения, которыми высказываются не более чем догадки и неаргументированные допущения: «возможно, вероятно, наверно, видимо, скорее всего, надо полагать, можно допустить...». К большому сожалению, именно так мы привыкли освещать вопросы, требующие максимальной точности и выверенности. Еще меньше бесспорного, не подлежащего сомнению, можно найти в тех выводах, которые зависят от подобным образом интерпретированной фактологии. Как правило, опять-таки по заведенному обычаю, они держатся разве что на отсылках к предшественникам, у которых найдено нечто созвучное: «соглашаясь с X.», «принимая убедительное рассуждение Y.», «по заслуживающему доверия мнению Z.», «как однозначно считал Q.»...

Доводится констатировать, что у нас до сих пор открытыми, окончательно не выясненными, а то и просто запутанными остаются практически все главные вопросы, связанные с жизнью и деятельностью Скорины: годы рождения и смерти, вероисповедание, настоящее (полученное при крещении) имя, ближайшее научное, творческое и деловое окружение, основные цели задуманных и осуществленных дел, круг профессиональных интересов и непосредственной практики, предна-

значение изданных книг, конкретное содержание и суть переводческой (или составительской) работы, язык изданий и собственного творчества, места проживания и перемещения, определяющие связи с отечественными и зарубежными деятелями своего времени и т. д. Опять же, не странно ли то обстоятельство, что «белое пятно» покрывает именно последние десятилетия (!) жизни восточнославянского первопечатника? По признаниям даже самих активных скориноведов, образовались большие «напластования фактических ошибок», едва не целиком покрывшие реальную фактологию. Особенно дает о себе знать вот какая опасная тенденция: свои нынешние представления о состоянии общества, культуры, веры и духовности, письменности, языка, науки, Церкви и всего остального переносить на реальность полутысячелетней давности, перекраивая ту действительность в соответствии с лекалами нового времени, а при этом еще и вульгарно актуализируя. Примеры таких искажений даже перечислить невозможно. И все они обросли производными от нового времени стереотипами, которые обычно поддерживаются не менее стереотипными толкованиями, в том числе и категорически неприемлемыми

◀ Памятник Франциску (Георгию) Скорине в Полоцке, установленный в 1974 году. Снимок 1979 года

для науки – то, что не соответствует нашему пониманию, считать ошибками давних хронистов, писарей, граверов и печатников... Само собой разумеется, что расходящиеся мнения современных оппонентов тоже априори зачисляются в разряд ошибочных.

Короче говоря, мы сами сделали проблематичным даже прочтение ряда важных для научного скориноведения документов, не говоря уже об их интерпретировании. Причем едва ли не все такого рода проблемы стали глубокомысленно подавать как трудноразрешимые либо нерешаемые в принципе. Чтобы должным образом осознавалась бесперспективность такого состояния, позволю себе вспомнить один чрезвычайно поучительный пример из личного опыта. Встретившись с коллегой, словацким профессором-математиком, которого давно не видел, я спросил о делах и услышал в ответ, что они идут неплохо – в частности, его студенты на престижной международной олимпиаде получили первую премию за решение своеобразной задачи... Я, естественно, поздравил коллегу. Но услышал уточнение: его заслуга здесь самая скромная, так как он своих студентов просто не предупреждал, что эту задачу решать не имеет смысла, поскольку она считается нерешаемой. Студенты же, не зная исходно о препятствии, преодолели его... А вот в нашем случае все делается наоборот. Почему-то нужно утверждать либо даже придумывать, будто бы имеем дело с нерешаемыми задачами, тогда как в действительности свет закрывают упомянутые выше стереотипы, нами самими широко распространенные и прочно уже закрепленные.

Под их воздействием из публикации в публикацию переносятся одни и те же сведения, большинство которых давно, если не от самых первых опытов белорусского скориноведения, требуют уточнений, основательного корректирования. Хотя бы потому, что они не способны выдерживать проверки даже элементарной логикой. Так, невозможно не обращать внимания на самую что ни есть очевидную алогичность в безапелляционно исполь-

зуемой современными скориноведами базовой (!) информации, которую обычно не пропускают школьники и студенты, задавая элементарные вопросы: «Почему же это знаменитого полочанина безо всяких объяснений и оговорок называют Франциском, если имя отца его – Лука, брата – Иван, сына – Симеон, племянника – Роман, родственников – Евхим и Савва, Васко и Еско?.. Так получается, что он не из семьи Скорин, не этого рода?!» Действительно, выходит, что Скорина вовсе не из того «дворыща, што в замьку Полацьком», что он никак не православный по крещению, ибо упомянутое «дворыще» находилось рядом с полоцким Софийским собором... И пока еще никто не доказал, что в Полоцке на момент рождения сына Луки были дополнительно такие храмы, в которых бы при крещении будущему восточнославянскому первопечатнику дали имя Франциск. Есть на этот счет лишь таинственные, однако не подкрепленные документальными сведениями, версии-загадки, наподобие вот такой: «Отметим еще тот факт, что еще перед Великой Отечественной войной бернардинец К. Кантак, который имел в своих руках многие отсутствующие сегодня документы, написал в своей солидной монографии, посвященной ордену бернардинцев, что одной из первых в Полоцке после прибытия туда из Вильна бернардинцев и основания ими костела в честь святого Франциска Ассизского и монастыря, «приняла католическое крещение семья Скорин». Там же будущий первопечатник учился, наверно, латыни».

То, что имя «Франциск» многократно использовалось самим Скориной в его изданиях, а также присутствует в официальных документах времени его жизни, оспаривать нет ни оснований, ни потребности. Однако следовало бы выяснить и убедительно обосновать, почему получилось так, а не иначе. Самим же по себе названным фактом никак не может отрицаться факт обязательного наличия крестного имени – причем, судя по всему, иного. Так из-за чего же это имя отобрано и в последнее время совсем игнорируется? По каким причи-

нам его сейчас упоминать перестали, и даже само использование крестного имени стало подаваться как некий маркер либо дремучей неосведомленности, либо сумасбродного нежелания поддерживать курс «передовой науки», приоритеты которой обусловлены ориентацией на «европейскость»?

Примерно то же самое можно сказать об освещении роли православной среды в жизни нашего знаменитого земляка. И она затушевана, мглой укрыта почти полностью. Так, что реальных исторических фигур практически не видать. В последнее время несравнимо большее внимание привлекается к деятелям «законодательной» во всем Европы – Иоганн Гутенберг, Леон Баттиста Альберти, Эразм Роттердамский, Николай Кузанский, Джованни Пико делла Мирандола, Марсилио Фичино, Швайпольт Фиоль, Филипп фон Гогенхайм (Парацельс), а еще Ян Амицинус, Ганс Вайнрайх, Ян Гус, Ян Иснер, Ян Камп, Николай Коперник, Иероним Пражский, Примож Трубар, Эразм Вителлий, Андрей Волян, Станиславас Раполионис... Что ж, и выход на эти личности для освещения общей панорамы вполне может быть нужным. Но разве не является приоритетным обстоятельное выяснение роли конкретных личностей из близкого окружения Скорины – тех, кто имел непосредственное отношение к его делам? Налицо все же определенная тенденция, которую нельзя не заметить.

В частности, странно, почему энциклопедический справочник «Франциск Скорина и его время» не содержит даже упоминания, весьма существенного для реконструкции подробного жизнеописания первопечатника, что «воевода троцкий, гетман наш, староста брянс(лавский) и вениц(кий) Князь Константин Иванович Острожский» присутствовал в числе тех, из кого состояла «панове рада» при положительном решении судом имущественного дела «о дом в месте Виленском и о иные речи». Как-никак, а в этом документе с редкой для скориноведческих материалов конкретностью засвидетельствовано, что там и тогда «доктор Францыш-ко от жоны свое молвил и покладал...

выпис с книг права гайного...». Хотя при этом сам документ в соответствующем разделе справочника помещен, и даже статья о князе Острожском – правда, без упоминания о его непосредственной причастности к судьбе Скорины – тоже имеется. А ведь о том, что конкретные дела этих личностей гипотетически пересекаются, писалось не однажды. В том числе предполагалось и такое: «Зато в изданиях Скорины, безусловно, был заинтересован Константин Острожский. Думается, что он мог существенно повлиять на решение белорусского первопечатника перенести свой станок из Праги в Вильно (годы возвышения Острожского и годы выхода «Малой подорожной книжки» совпадают»).

Или возьмем, например, иную информацию, которая пока что не вызывала ни особых возражений, ни уточнений, и ее повторяют неизменно в качестве однозначной без надлежащего обоснования. Касается это дел Скорины как переводчика Библии. Многие из тех, кто затрагивал данный аспект, опять же безапелляционно и бездоказательно высказывают мнение, что Скорина перевел, а не только издал, все книги Ветхого Завета. Между тем не лишне было бы рассудить или хотя бы как-то прикинуть, во-первых, сколько же времени требуется на такой перевод, а во-вторых, на какой период известной нам биографии Скорины это время должно было приходиться. Весьма кстати здесь еще дополнительно уточнить, что речь идет о переводе не лишь бы каких текстов, а Священного Писания! Чтобы хоть как-то приблизиться к пониманию сути вещей, сравним: подобную работу «семьдесят толковников» выполняли на протяжении III–II столетий до Рождества Христова; Иеронимом Стридонским (неизвестно, одним ли) в IV–V веках после Р. Х. латинский перевод Ветхого Завета осуществлялся около пятнадцати лет; Скоринин современник Мартин Лютер (судя по всему, с помощниками) на немецкий язык переводил Ветхий Завет не менее десяти лет...

А вот наш прославленный земляк смог выполнить такую исключительно слож-

ную и объемную работу по библейскому переводу за поразительно краткий срок? Причем, помимо этого, как у нас обычно утверждается, он самолично успел написать внушительное количество предисловий и послесловий, плюс акафистов, к тому же сам сумел выполнить свой знаменитый портрет, многочисленные гравюры и многое-многое иное? Да все это, как у нас пишется, параллельно с учебой и самоотверженным «повышением научной квалификации» в нескольких сферах, а в придачу и с лекарской практикой, и с художественным творчеством, и с типографско-предпринимательскими делами? Собственно, невыверенность затронутой информации сочетается еще с одним вопросом, также очень запутанным: что послужило оригиналом для перевода (какой письменный свод или печатное издание), то есть с какого конкретно языка и на какой переводил наш Скорина? Корректного ответа на него так и нет. Есть только произвольные, мифологизированные версии.

Для многих некорректностей, как правило, находятся оправдания. Частично понятные. Скажем, никуда теперь нам не спрятаться от того, что в свое время все подчинялось идеологии атеизма и определенные темы оказывались под запретом либо освещались в соответствии с воинственно безбожническими установками. Научные кадры, понятно, формировались и воспитывались под тем же влиянием. Однако директивно-генеральной идеологической линией советского периода объясняется далеко не все. Скажем, православность Скорины по происхождению и крещению признавалась как до Октябрьской революции (А. Викторовым, П. Владимировым, Е. Карским, М. Круповичем, А. Петрушевичем, А. Ярушевичем), так и после Октября, вплоть до самой «перестройки» и наших дней (М. Горецким, А. Флоровским, В. Зайцевым, В. Чапко, М. Прашковичем, В. Аниченко, В. Дышиневиц, прот. М. Уляхиным, В. Агиевичем, прот. С. Гордуном). Что же касается крестного имени Георгий (наравне с другим – Франциск), то оно было возвращено как раз в советское вре-

мя, после Великой Отечественной войны, а в 1967 году специальным постановлением бюро Отделения общественных наук АН БССР даже «узаконено».

Однако позднее, в годы «перестройки», его снова отняли. Хорошо еще, что имя Георгий осталось-таки во многих произведениях художественной литературы и в названиях произведений изобразительного искусства. А впоследствии придется со стыдом вспоминать, как совсем недавно безо всяких оснований его заменили даже в особо значимом напоминании – подписи на памятнике (авторства А. Глебова) в родном для Скорины Полоцке. И где же на этот раз мнение ученых?

Правды ради нужно отметить, что не все из них с таким отношением к имени соглашались. Как жестокою несправедливостью эту труднообъяснимую тенденцию воспринял, например, В. Агиевич, один из самых преданных скориноведению исследователей конца XX – начала XXI века. Он пытался, где только мог, противостоять этому; упорно искал союзников и, в частности, обращался за помощью к Митрополиту Филарету с официальным письмом. А главным средством поиска и объяснения истины для Владимира Владимировича были собственные статьи и книги, которые он, упорный полемист, неизменно посвящал самым заметным противоречиям в сфере скориноведения. Его публикации всегда содержали скрупулезный разбор запутанных моментов, а также подробное обоснование возможностей снять вопросы, которые бесосновательно заносятся в разряд спорных либо совсем нерешаемых.

В связи с конкретным предметом нашего разговора особого внимания заслуживает книга В. Агиевича «Имя и дело Скорины: В чьих руках наследие». Поскольку высказанное в ней сущностно расходилось со многими взглядами, которые стали доминировать в позициях подавляющего большинства скориноведов, то оно не принималось и до сих пор не принимается. А, на наш взгляд, сейчас весьма полезно было бы вернуть работы В. Агиевича в активный научный

оборот и прочитать их внимательно, без предубеждения. Конечно же, с надлежащей критичностью.

Стоит отметить, хотя бы мимоходом, что вовсе не случайно было нами упомянуто обращение В. Агиевича к Православной церкви, позицию которой по многим вопросам, касающимся Скорины, научная среда должна, по меньшей мере, принимать к сведению. А не обходиться только возражениями «лукавыми», рассчитанными на современное секуляризованное сознание: мол, Скорина своей деятельностью засвидетельствовал толерантность ко всем конфессиям, а вот Русская православная церковь отнеслась враждебно к его изданиям; поэтому сейчас привязывать его к традиции этой Церкви – неправильно... Если руководствоваться такой логикой, то так же неправильно привязывать его ко всем духовно-культурным традициям рода и народа, в том числе к коренной (бело)русскости, к славянскости... И в этом случае мало что меняют оговорки, будто бы так делают ради предосторожности, распространяя одинаковый подход на все конфессии, ибо каждая из них может «тянуть одеяло на себя». Вообще, может. Однако не должна – Бога боясь. А вот конкретные предпосылки и обстоятельства издания религиозных книг без учета доминирующей религии как определяющего фактора рассматривать просто нельзя. Исходно, по определению, не представляется возможным. Так же, как температуру больного человека невозможно измерить без медицинского термометра.

Думается, пришла пора выработать объективный взгляд на Скорину, преодолевая как советское безбожничество, так и постсоветскую псевдотолерантную секулярность, не принимая на веру стереотипы, какую бы степень распространенности ни имели они. И, разумеется, пришло время не бояться пополнить новое издание упомянутого энциклопедического справочника многоаспектной статьей «Религия» или «Вероисповедание», отсутствие каковой очень уж бросается в глаза.

Понятно, все новации должны тоже как следует взвешиваться, выверяться, сопровождаться научными дискуссиями с надлежащей аргументацией. Особенно тогда, когда они представляются неожиданными. А в современном белорусском скориноведении таковыми считать можно едва ли не все мнения, противоречащие введенным в оборот ранее.

Именно на такой, действительно неожиданный для наших скориноведческих представлений, материал мне хотелось бы обратить внимание, и как раз для этого пришлось предварительно излагать свой взгляд на состояние наших общих знаний о Скорине.

А тут целая история, которую придется рассказать.

В 2014 году на празднование Дня белорусской письменности к нам приехал из Молдовы Юрий Васильевич Иванов. Меня с ним познакомили еще накануне праздника, перед круглым столом зарубежных писателей. И на протяжении трех дней, совместно проведенных в Минске и Заславле, я ходил буквально ошеломленный тем, что услышал от этого человека: дескать, ему в наследство достались уникальные толковинские (?) рукописи, которые содержат надежные сведения о пребывании на землях нынешней Молдовы нашего земляка – книгопечатника Юрги (!) Скорины Полоцкого... Искренне признаюсь, услышанному я тогда не поверил. Правда, учитывая то, что в рассказах моего нового знакомого как объекты внимания, помимо Скорины, фигурировали также преподобная Евфросиния, игуменья Полоцкая, и Все-слав (Чародей), князь полоцкий, я решил познакомиться нашего гостя с епископом Вениамином, который на тот момент был председателем Издательского совета Белорусской православной церкви и викарием Минской епархии.

Представляя Ю. Иванова, я вкратце пересказал основное содержание его сенсационной информации. Судя по всему, владыку она тоже весьма заинтересовала. Но, как нетрудно было заметить, у досточтимого епископа не складывалось ощущение, что все это правда. У меня его

тоже определенно не было. Естественно, услышанное о Скорине я все время старался связывать, соотносить с тем, что знал прежде. Но ничего не получалось – новые сведения так и оставались в пространстве невероятного, а сомнения нагромождались чем дальше, тем больше. В частности, сильно смущало то, что личностями, предопределявшими судьбу Скорины, согласно рассказам Ю. Иванова, оказывались представители рода сербских властителей Бранковичей.

Дело в том, что основателю этого рода, Вуку Бранковичу, сербский народный эпос приписывает предательство в печально знаменитой Косовской битве, и такой обесславленный образ пронесен через столетия. Собственно, историографические подтверждения измены отсутствуют; к тому же позднее из этого рода вышли святые, канонизированные церковью личности. Но все же, все же, все же...

Между тем целых три дня обсуждая сомнительные моменты в сюжетах пока что фата-морганических для меня рукописей, я все-таки сблизился с коллегой. В конце концов мы обменялись адресами, договорившись вместе поработать над материалами, владельцем которых он является.

Юрий Васильевич оказался довольно активным корреспондентом: присылал свои опубликованные и подготовленные к печати статьи по истории рода и родного края, заметки о толковинской мифологии. Благодаря им, в дополнение к услышанному устно, я получил возможность составить хоть какие-то представления о толковинстве, ранее совершенно не известном. Принял к сведению, что это славянская духовно-культурная традиция, зародившаяся в глуби веков и продолжавшаяся вплоть до середины XX столетия; правда, в последнее время под воздействием разных обстоятельств стала замкнутой, почти тайной. А сейчас она исчезает, ибо на данный момент Ю. Иванов является фактически единственным в какой-то степени осведомленным ее носителем. Разумеется, это мне подбрасывало дополнительные сомнения: такое

вот странное стечение обстоятельств и условий, когда все сошлось на личности моего нового знакомого...

Однако вместе с Юрием Васильевичем я искренне сожалел, что конкретная сущность и историческое значение толковинства как явления остаются неисследованными, совсем не изученными. В частности, только из публикаций Ю. Иванова можно узнать, что оно сыграло исключительно важную роль в жизни русинов Молдовы, поддерживая соответствующее русинским традициям просвещение, сохраняя сознание о славянской общности и единстве, в том числе выразительно фиксируя и «белорусский вектор».

Определенные сведения о толковинстве действительно впечатляли. Проверять их научную корректность и обоснованность я не имел времени, поэтому принял на веру, что толковины упоминаются еще славным летописцем Нестором и анонимным автором «Слова о полку Игореве», что в этимологии самого этого именованного присутствуют, вероятнее всего, значения рус(ин)ских слов «толк» и «толока» (место собраний, вече)...

Потом наше сотрудничество по зависящим от меня обстоятельствам прервалось на некоторое время. Но как только я вернулся в рабочую колею, сразу же предложил коллеге из Молдовы сосредоточиться на «толковинской Скориниане» – объективно требовалось, чтобы он дал вводные, общеознакомительные сведения о тех рукописях, которые достались ему в наследство; для нашей совместной работы нужны были копии хотя бы самых важных страниц и соответствующие выписки; а поскольку их язык вряд ли понятен современному читателю, то, по крайней мере, выписки должны быть переведены на современный русский...

Довольно быстро Ю. Иванов это выполнил и прислал требуемое. Так у меня оказались копии трех страниц рукописи и перевод двух фрагментов размещенного на них текста. Вот я и начал, как мог, осмысливать полученный материал, а главное – преодолевать недоверие, все еще присутствовавшее.

(Окончание следует) ▀